

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА

САМОПОЗНАНИЕ СУБЪЕКТА¹

© 2002 г. В. В. Знаков*, Е. А. Павлюченко**

*Доктор психол. наук, профессор, зам. директора ИП РАН, Москва

**Студентка Государственного университета гуманитарных наук, Москва

Представлены результаты теоретического и экспериментального изучения психологического феномена самопознания с позиций психологии человеческого бытия. Проанализировано соотношение когнитивных и экзистенциальных аспектов проблемы. Описаны три основных источника, из которых люди получают знания о себе, выявлены психологические особенности мышления и личности субъекта, входящие в структуру самопознания. В исследовании, проведенном на выборке из 77 испытуемых, проверялись две гипотезы: 1) структуру самопознания образуют три главных компонента: личностный, рефлексивный и коммуникативный; 2) чем человек старше (начиная со студенческих лет и до пенсионного возраста), тем большее мотивационно-ценностное значение имеет для него самопознание. В результате подтвердились обе гипотезы: о трехкомпонентной структуре самопознания и возрастных различиях в его мотивации.

Ключевые слова: психология человеческого бытия, субъект, самопознание, самопонимание, рефлексия, черты личности.

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным оттого, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

Марк Аврелий "Наедине с собой"

"Познай самого себя" – гласит надпись, высеченная на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах. Все мы слышали это изречение, но кто с достаточным основанием имеет право утверждать, что в полной мере понимает его смысл? С точки зрения современной науки, смысл этого высказывания многогранен: он включает соотношение познания как гносеологической категории и познания как одной из предметных областей психологии, самопознания как обязательного компонента любого познания, самопознания культуры и самопознания конкретного человека. Древний грек, прочитавший надпись на колонне, и современный ученый-психолог выделяли в качестве главного принципиально различные стороны содержания изречения. Для древних призыв познать себя означал прежде всего направленность на познание человека вообще, его места в обществе и мироздании. Умение увидеть в частных проявлениях своей личности общие черты, присущие и другим людям, это уже обобщение, отличающее не столько индивидуальный разум, сколько общий, "коллективный", способный сделать предметом размышления человека: и как ин-

дивида, пребывающего в данном месте и времени, и как частицу вселенной.

На такой способ античного мышления неоднократно обращал внимание Н.А. Бердяев. Он писал: «Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию как пути к познанию мира. Но что это было за самопознание? Было ли это самопознание вот этого конкретного человека, единственного и неповторимого человека, было ли это его познание и познание о нем? Думаю, что это было не познанием о нем, а познанием о человеке вообще. Самопознающий субъект был разумом, общим разумом, предметом его познания был человек вообще, субъект вообще. Общее познавало общее, универсальное познавало универсальное. Сам познающий себя человек ступенькался, в нем оставались лишь общие черты, исчезало не общее выражение лица. Греческая философия, несмотря на лозунг "познай самого себя", стремилась к познанию единого универсального и неизменного и отвращалась от множественного и подвижного мира» [3, с. 316].

Следует признать, что сам Бердяев в философской автобиографии [3] блестяще обосновал

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 01-06-00180а).

возможность иного, коренным образом отличного от античного способа самопознания. Он сделал это, рассмотрев конкретные факты своей биографии и события окружающей жизни через ценностную призму их духовного и общественного содержания. Смысловая направленность самоанализа философа отражала его трансцендентное стремление к выходу за пределы проблем эмпирического бытия и попытки их объяснения с позиций отнесенности ко всему человеческому роду. Неудивительно, что у Бердяева даже мелкие и на первый взгляд незначительные подробности повседневной жизни освещались внутренним светом, экзистенциальным, *субъектным* взглядом на их роль и значение в самопознании мыслителя.

Именно осознание недопустимости самообъективации, отчуждения, поглощения индивидуального общим определяло для него границы самопознания и давало надежду, что познание будет экзистенциальным. Обращаясь внутрь себя, своего Я, ментального опыта и т.п., человек является экзистенциальным субъектом самопознания только до тех пор, пока он искренен и правдив. Вольно или невольно преступая границы правдивости, мы тем самым отчуждаем свою подлинную сущность, начинаем рассматривать себя как бы со стороны. В этом случае мы перестаем быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды, т.е. такого удобного себе и окружающим образа Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью.

За подтверждением верности высказанных соображений снова обратимся к Бердяеву: «Я сам, познающий, — экзистенциален, и эта экзистенциальность есть вместе с тем не объективируемый предмет моего познания. Но объективация возникает всякий раз, когда я начинаю себя идеализировать или когда обнаруживаю смирение паче гордости, когда бываю не до конца, не до последней глубины правдив и искренен. На этих путях я начинаю творить свой образ, возвеличенный или приниженный, объективированный во вне. Я начинаю себя стилизовать, и мне самому начинает нравиться мой стилизованный образ. Я создаю о себе миф» [там же, с. 317].

Интерес к «человеку экзистенциальному» сегодня является одной из самых заметных тенденций современного человекознания. В отечественной психологической науке в последнее время эта тенденция проявилась, в частности, в проведении I Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии [11] и зарождении новой области психологического знания — психологии человеческого бытия [6]. Вся история психологии XX века представляет собой последовательную смену научных теорий, исследовательских подходов к изучению психики.

В конце столетия наиболее ярким проявлением этого оказалось смещение интересов многих психологов с когнитивной парадигмы на экзистенциальную, переход от изучения отдельных психических процессов и явлений к анализу целостных ситуаций человеческого бытия. Отличительная особенность экзистенциального подхода состоит в стремлении противопоставить себя картезианской картине мира, согласно которой он состоит из отдельных объектов, в том числе — воспринимающих их и взаимодействующих с ними субъектов.

Сегодня необходимо отчетливо осознать и особо подчеркнуть, что в психологии экзистенциальная исследовательская парадигма не противопоставляется познавательной, когнитивной, а дополняет и обогащает ее. Сторонники когнитивного и экзистенциального методов исследования психической реальности обращают наиболее пристальное внимание на разные стороны последней. У первых в фокусе внимания оказывается *поведение*, у вторых — *переживание*; когнитивная *объяснительная модель* ориентирована на выявление причинно-следственных связей, а экзистенциальная — главным образом на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта; наконец, *направленность общения* субъекта: с окружающими его людьми (Я и другие) и пристальный интерес к аутокоммуникации.

Когнитивисты, следуя традициям естественно-научного эксперимента, стремятся выявить общие закономерности психического развития человека, они склонны интересоваться фактами и правилами: последние обычно занимают их больше, чем исключения. Такой подход основан на «вертикальном мышлении»: в различных сообществах выявленные закономерности могут приобретать статус законов и предписываться «сверху» как обязательные для всех членов сообщества (вспомним об этических кодексах психологов, существующих в разных странах).

Психологи экзистенциальной ориентации предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например характерологические, отличия людей — их сходству и подобию. И главное: экзистенциально ориентированные исследования направлены не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на то, какой *смысл* они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в данном случае психологи концентрируются исключительно на интрапсихических проблемах и отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструкторов, отражающих субъективное отношение «Я — мир». Иначе говоря, цель за-

ключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д. Экзистенциально ориентированные психологи демонстрируют преимущественно "горизонтальный" способ мышления, фокусирующийся на взаимоотношениях конкретных людей, находящихся в определенных отражаемых, переживаемых ими ситуациях. "Горизонтальное" мышление основано на здоровом скептицизме психологов-исследователей по отношению к возможности нахождения таких общих для всех людей закономерностей, универсальность применимости которых во всех ситуациях и обстоятельствах человеческой жизни ни у кого не будет вызывать сомнения.

В отечественной психологии систематически разрабатывались разные варианты теории деятельности, и центральными для них неизменно оказывались категории отражения и действия (чаще всего – познавательного, когнитивного). Вместе с тем в субъектно-деятельностной концепции С.Л. Рубинштейна, особенно в работе "Человек и мир", явно просматриваются экзистенциальные тенденции изучения психики. Вследствие этого в нашей психологии деятельностный подход, неразрывно связанный с проблемой субъекта, представляет собой плодотворную почву для использования и когнитивных, и экзистенциальных методов исследования человеческой психики. Не случайно также и появление такого варианта субъектно-деятельностного подхода, как психология человеческого бытия, для которой категория субъекта является одной из основных.

Субъектом представители субъектно-деятельностного подхода называют человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности. "Субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, – напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида. Например, в психологии, как известно, очень тщательно и систематически исследуются различные *черты* личности, так или иначе связанные с ее природными и социальными свойствами: экстраверсия–интроверсия, тревожность, ригидность, импульсивность и т.д." [4, с. 17]. Размышляя о статике и динамике личностного развития, думаем, что современный психолог вполне может согласиться с глубокой мыслью Бердяева: "Личность есть неизменное в изменениях" [3, с. 230].

Поскольку любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности, то на-

учно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. "Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т.д.)" [4, с. 20].

Другим критерием субъектности уже взрослого человека является умение *согласовывать* свою индивидуальную активность, способ организации личной жизни с социальными структурами, нормами и формами деятельности. Согласование направлено на снятие неизбежно возникающих противоречий между желаниями и возможностями личности и требованиями общества. В таких характеристиках личности, как инициатива и ответственность, проявляются мотивы, смыслы, *способы разрешения* жизненных трудностей, противоречий, конфликтов, связанные с интерпретацией себя как ответственного субъекта [1].

С нашей точки зрения, для того чтобы иметь необходимые и достаточные основания говорить о человеке именно как о субъекте, психологам нужно обратить внимание еще на два аспекта проблемы.

Во-первых, на те черты личности испытуемых, которые способствуют или препятствуют осознанию человеком совершаемых им поступков и ответственности за них как *свободного нравственного деяния*. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений.

Во-вторых, на особенности самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающие человеку взгляд на себя со стороны. Необходимость этого очевидна: поскольку важнейшими элементами социального мира являются образы Я тех людей, из которых этот мир состоит, то предметом психологии человеческого бытия неизбежно оказывается направленность познавательной, этической и эстетической активности общающихся субъектов не только друг на друга, но и на себя. Вместе с тем взгляд со стороны несет в себе не менее очевидную опасность десубъективизации: нередко, поставив себя в позицию стороннего наблюдателя своего внутреннего мира, человек как бы объективирует и отчуждает свои проблемы, признавая, что не может с ними справиться.

Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает *ответственностью и силой* для их решения. А решенная проблема уже не может быть отчужденно-объективной, она становится неотъемлемой частью внутреннего мира активного деятельного субъекта, преодолевшего трудности, сначала казавшиеся ему непреодолимыми.

В социальных взаимодействиях любой человек представлен не только таким, каков он есть в действительности, но и таким, каким его видят окружающие. Мнения, представления, понятия других людей влияют на его (ее) познание и понимание себя. С позиций психологии человеческого бытия взаимосвязь субъекта с миром уходит своими корнями в проблему самопознания и самопонимания. Обобщенно названную проблему можно выразить как укорененность индивидуального сознания в личностном бытии субъекта.

Подробно сходство и различие содержания самопознания и самопонимания раскрывается в другой работе [7], а в этой статье предметом анализа является только первый из названных психологических феноменов. Мы ограничимся перечислением трех критериев, по которым их можно различать.

1. Результатом самопознания оказываются новые знания, а самопонимания – новый смысл того, что человек уже знал о себе. В современной психологии самопознание обычно определяется как “вся сумма информации о себе, представленная в индивидуальном сознании” [16, с. 249]. Существуют и более детализированные представления о сущности обсуждаемого феномена. Например, Я. Козелецкий считает, что самопознание это “познавательная репрезентация самого себя, то есть та часть знания личности, которая существенно относится к себе как к единому целому или к какому-нибудь аспекту этого целого” (цит. по [13, с. 108]).

В отличие от самопонимания самопознание позволяет получать человеку новые знания, но не наделяет их смыслом, не иерархизирует их по ценностям. Оно дает ему возможность формировать определенные представления о себе и систематизировать их. В процессе самопознания субъект имеет дело со сбором данных, анализом и синтезом новых сведений о психологических особенностях своих мотивов, характера, мировоззрения и т.п. Еще Б.Г. Ананьев отмечал, что одним из главных источников самопознания является собственная деятельность субъекта. В деятельности возникают знания о себе, раскрываются и определяются границы физических, психических и нравственных ресурсов, проверяется адекватность личности самой себе. Человек познает себя

по своим делам и оценивает по успехам и достижениям [2].

2. Способ получения нового – констатация новых знаний с последующей их категоризацией или установление причинно-следственных связей путем постановки вопросов разных типов и ответов на них. По способу получения нового основанием различения самопознания и самопонимания оказывается тип вопросов, которые мы задаем, познавая или понимая себя.

Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на констатирующие вопросы типа: “Какой я?”, или “Что я знаю о себе?”. В частности, заполняя психологические опросники, человек может узнать о степени сформированности у него коммуникативных черт личности, показателях вербального и невербального интеллекта и т.п. Ответы на такие вопросы приводят нас к узнаванию чего-то нового, но не обязательно понятного. Вследствие этого оказывается возможной такая парадоксальная ситуация, при которой человек может достаточно хорошо знать, но не понимать себя. С точки зрения психологического анализа самопознания важна временная обращенность вопросов [16]. Последние могут относиться к прошлому (каким я был несколько лет назад?), настоящему (что я представляю из себя сегодня?) и будущему (каким я буду, когда вырасту или вернусь из армии?).

В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа – причинные: “зачем я так поступил?”, “Почему этот человек мне не симпатичен?”. Причинное знание по своей сути есть отражение углубления в сущность предметов и явлений, и потому оно никогда не оставляет прежней психику получающего это знание субъекта. Не удивительно, что, *понимая что-то во внешнем мире, мы и углубляемся в себя, и возвышаемся над собой.*

3. Источник информации – разные составляющие собственной личности и отношений с другими людьми. При самопознании и самопонимании, пытаясь получить новые сведения о себе, человек обращается к *разным сторонам собственной личности*. Обоснование этой точки зрения, в частности, можно найти в теории У. Джемса о двух составляющих личности [5]. Согласно Джемсу, личность разделена на две важнейшие структуры: “Я-познающее” и “Я-познаваемое”. “Я-познающее” – это субъективная составляющая познания человеком мира и себя в мире. Иначе говоря, это тот аспект личности, который организует и интерпретирует наш опыт. “Я-познаваемое” представляет собой совокупность всего того, что человек называет своим: материальные проявления его сущности (тело, собственность), социальные отношения, роли, личность и духовные характеристики (сознание, мысли и пр.). В каждый отдельный мо-

мент "Я-познающее" осознает реальность, мир вокруг и внутри себя, а "Я-познаваемое" является тем объектом, на котором фокусируется внимание "Я-познающего". Человеческое существование приобретает осмысленную цель только тогда, когда порождается смысл "Я-познаваемого", когда оно становится понятным, "прозрачным" для субъекта. Как следует из изложенного, *формирование и развитие самопознания в большей степени соответствует "Я-познающему", а самопонимания – "Я-познаваемому"*.

Прежде чем переходить к конкретному теоретико-экспериментальному анализу самопознания, надо описать этот психологический феномен в самом общем виде. "Самопознание – сложный, многоуровневый процесс, индивидуализированно развернутый во времени. Очень условно и в самой общей форме его можно разделить на два основных уровня. На первом уровне самопознание осуществляется через различные формы соотношения самого себя с другими людьми, т.е. при таком познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты, включая себя в сравнительный контекст с другими. Основными внутренними приемами такого самопознания являются самовосприятие и самонаблюдение. Однако на стадии более или менее зрелого самопознания включается и самоанализ" [15, с. 95].

Самопознание как процесс характеризуется динамичностью: он проявляется в непрерывном движении от одного знания о себе к другому и последующем уточнении, расширении, углублении нового знания. "Для второго уровня самопознания специфично то, что соотношение знаний о себе происходит не в рамках "Я и другой человек", а в рамках "Я и Я", когда человек оперирует уже готовыми знаниями о себе, в какой-то степени сформированными, полученными в разное время, в разных ситуациях. Ведущими внутренними приемами данного уровня самопознания являются самоанализ и самоосмысливание, которые, однако, необходимо опираются на самовосприятие и самонаблюдение" [там же, с. 97–98].

Для анализа самопознания первостепенное значение имеют те источники, из которых человек получает знания о себе. В современной психологии исследования самопознания в основном ведутся в направлении поиска путей, способов, которыми человек познает себя. В психологической литературе [18, 19] выделяются *три* первичных источника информации.

1. Символическая интеракционистская теория "отраженной самооценки" основана преимущественно на психологическом анализе коммуникации, общения людей. В качестве основного источника самопознания в ней постулируются социальные обратные связи. Под связями понимаются непосредственные вербальные оценки, получае-

мые от других людей и преобразованные самим субъектом. Дж. Мид и другие социальные психологи утверждают, что самопознание – это попытка воспринять и представить себя такими, какими видят нас окружающие [18].

2. Когнитивные теории самовосприятия и объективного самосознания. Согласно этим теориям, ведущим источником самопознания является самовосприятие, самоанализ и рефлексия субъекта. Известно, что люди иногда действуют как внешние наблюдатели: они стараются взглянуть на себя со стороны, получить новые данные и сформулировать смысл своих действий для заключений о себе. Вместе с тем нередко они делают объектом анализа собственный внутренний мир (мысли, чувства, переживания и т.п.) для выводов о себе. Наиболее типичными примерами подобных концепций можно считать теории самовосприятия Д. Дж. Беа и объективного самосознания С. Дувала и Р.А. Висклунда. Несколько обобщая, можно утверждать, что с позиций таких теорий самопознание рассматривается как особая форма взаимодействия субъекта и объекта воспринимаемого и познаваемого. Самопознание включает наблюдение за своим поведением и условиями, в которых оно происходит. С этой точки зрения, ведущим в процессе самопознания является осмысленное самонаблюдение, основанное на анализе образов, мыслей и чувств, а также внешних действий, поступков и ситуаций [18, 19].

3. Теория социального сравнения. В ее основе лежит предположение о том, что в процессе самопознания, при оценке своего поведения и возможностей люди сравнивают себя с другими людьми, особенно подобными. Однако социальное сравнение далеко не всегда направлено именно на самопознание. Иногда люди занимаются сравнением скорее для повышения оценки собственного Я, чем в целях объективного самопознания. Как показал У.Б. Суонн, выбирая круг общения, люди предпочитают иметь дело с теми, кто видит и оценивает их так же, как они сами. Интересно, что такая стратегия поведения не зависит от оценочной составляющей самопознания. Если мы видим себя в негативном свете, то предпочитаем выбирать знакомых, которые видят нас так же. При положительном взгляде на себя мы ищем партнеров, которые подтверждают такое самопонимание. Общение с теми, кто оценивает нас примерно так, как мы, способствует адекватному предсказанию социальных взаимодействий и порождает чувство контроля над своим окружением. Расхождение в оценках и самооценках, наоборот, уменьшает это чувство и ведет к переживаниям, страданию и ощущению несчастья [20].

Собственно конкретно-психологические исследования самопознания ведутся в трех главных направлениях: во-первых, анализ того, какие со-

ставляющие Я-концепции могут дать человеку полезные сведения для лучшего узнавания себя; во-вторых, какого рода информацию о себе люди предпочитают извлекать из общения с другими; в-третьих, от каких социальных и личностных факторов зависит мотивация субъекта к самопознанию.

Например, в направлении анализа мотивационных детерминант самопознания проводятся исследования индивидуальных различий predispositions человека к осуществлению или избеганию самоанализа, самонаблюдения, саморефлексии и т.п. Западные психологи экспериментально анализируют, что преобладает у субъекта: мотивация самопознания или реакция психологической защиты, связанной со стремлением избегать неприятных знаний о себе. В частности, было обнаружено, что испытуемые, имеющие высокую мотивацию самопознания, более точно оценивают свое знание о себе (и ведут себя в соответствии с этим знанием), чем испытуемые с низким уровнем. Соответственно выделяются две группы испытуемых: 1) люди, имеющие потребность в самопознании более сильную, чем потребность в поддержании самоуважения; 2) люди, у которых потребность в самозащите преобладает над потребностью в самопознании [17].

Итак, исследования западных психологов свидетельствуют о том, что по экзистенциальному отношению к самопознанию люди могут распределяться, по крайней мере, по двум группам. У одних любознательность, интерес к своему внутреннему миру настолько высок, что он подавляет опасение, что новые знания, которые субъект узнает о себе, могут ему не понравиться, снизить самооценку, повлиять на самоуважение. Вполне вероятно, что эту группу образуют люди старших возрастных категорий с уже сформированной структурой самоотношения и склонностью задумываться о смысле жизни. Для других людей, возможно, более тревожных, с преобладанием мотивации избегания неудачи над мотивацией достижения успеха, потребность в самозащите и поддержании самоуважения является гораздо большей жизненной ценностью, чем самопознание.

Проведенные исследования, безусловно важны и интересны. Однако большинство из них направлено на изучение ситуативных и отчасти личностных детерминант самопознания испытуемых, но практически не затрагивает вопроса о психологической структуре изучаемого феномена. Между тем, не выяснив, чем структура самопознания отличается, например, от структуры самопонимания, нельзя проанализировать взаимные связи смысловых образований личности и ее защитных механизмов, способствующих или, наоборот, препятствующих осуществлению желания человека узнать о себе что-либо новое.

Основная цель нашего исследования также состоит в определении того, какие именно социальные условия, субъективные мотивы и особенности личности способствуют, а какие — препятствуют самопознанию. Однако мы считаем, что это возможно только после уяснения категориального состава обсуждаемого феномена.

Цель данной статьи, в которой отражены результаты первого этапа исследования, — экспериментально проанализировать структуру самопознания, выявить его основные компоненты.

В ходе экспериментов проверялись две гипотезы:

1. Структуру самопознания образуют три главных компонента: личностный, рефлексивный и коммуникативный.

2. Чем человек старше (начиная со студенческих лет и до пенсионного возраста), тем большее мотивационно-ценностное значение имеет для него самопознание.

МЕТОДИКА

В экспериментах принимали участие 77 испытуемых, различающихся по полу, возрасту и уровню образования. Одна подгруппа испытуемых с высшим техническим образованием состояла из 30 мужчин от 40 до 54 лет ($M = 46$; $SD = 4.30$) и 30 женщин в возрасте от 39 до 54 лет ($M = 45.1$; $SD = 4.06$). Другую подгруппу образовали 7 студенток и 10 студентов различных вузов Москвы в возрасте от 17 до 21 года (эксперименты с ними проводила М. Бобылева).

Выбор методик, опросников, заполняемых испытуемыми, определялся не только конкретными задачами первого этапа исследования, но и стратегическими планами. Последние предполагают создание во втором этапе экспериментальных условий, в которых люди с разными личностными свойствами могут либо предпочесть узнать что-то новое о себе (несмотря на то, что субъективный смысл и объективное значение полученных знаний может оказаться отрицательным), либо из-за опасения утраты самоуважения уклониться от получения информации.

Всего испытуемым предлагалось заполнить шесть опросников в следующей последовательности:

- 1) опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантелева [14, с. 123–130];
- 2) личностный дифференциал [9];
- 3) методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса [10, с. 423–425];
- 4) шкала личностной тревожности Спилбергера–Ханина [12, с. 59–63];
- 5) психодиагностическая методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой [8, с. 255–265];
- 6) методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса [10, с. 425–427].

Статистическая обработка данных проводилась с применением факторного анализа по методу главных компонент с варимакс вращением матрицы (пороговый критерий факторных нагрузок — 0.60), а также с использованием критерия согласованности альфа Кронбаха и критериями различий Колмогорова–Смирнова и Манна–Уитни.

Факторные нагрузки на шкалы опросников

Опросник самооотношения	Методика рефлексивности	Факторы		
		1	2	3
Интегральная самооценка		0.796		
Самоуважение		0.844		
Аутосимпатия		0.824		
Самоуверенность		0.700		
Самопринятие		0.738		
Саморуководство				
Самообвинение		0.723		
Самопонимание		0.667		
	Интегральная оценка рефлексивности		0.976	
	Ретроспективная рефлексия деятельности		0.623	
	Рефлексия настоящей деятельности		0.736	
	Рефлексия будущей деятельности		0.738	
	Рефлексия общения		0.711	
Ожидание положительного отношения других				0.870
Самоинтерес				0.723
Отраженное самооотношение				0.850
Самоинтерес (готовность к конкретным действиям по отношению к своему Я)				0.794
Собственные значения факторов		5.417	3.199	2.219
% объясняемой дисперсии		31.9%	18.8%	13.0%

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предположение, положенное в основу *первой гипотезы*, заключалось в следующем: основные данные о структурных компонентах самопознания можно будет получить после корреляционно-го и факторного анализов результатов испытуемых по трем методикам – опросника самооотношения, личностного дифференциала и методики рефлексивности. Статистический анализ выявил важную особенность данных: результаты трех шкал личностного дифференциала (“Оценка”, “Сила” и “Активность”) обнаружили крайне низкие коэффициенты корреляционной связи (среднеарифметическая величина $r = 0.168$) с остальными семнадцатью шкалами: двенадцатью из опросника самооотношения и пятью – методики рефлексивности. Соответственно это проявилось и в процедуре факторного анализа. При пяти значимых факторах, объясняющих 70% дисперсии, шкалы личностного дифференциала получили значимые нагрузки в самостоятельном факторе, в котором факторные веса всех других шкал были значительно ниже 0.50. Фактически это означает, что переменные личностного дифференциала не обнаруживают отчетливо выраженной связи с показателями двух других опросников. При заданной трехфакторной структуре, объясняющей 57% дисперсии факторных нагрузок, шкалы личностного дифференциала вообще не

получили значимых факторных весов. Иначе говоря, они “выпали” из факторной структуры данных.

Следовательно, наше предположение о том, что ответы, даваемые испытуемыми при заполнении личностного дифференциала, могут иметь отношение к структурным компонентам самопознания, оказалось неверным. К такому же выводу приводит переосмысление теоретических конструкторов методики. Все три ее шкалы имеют явно выраженный самооценочный характер: испытуемые оценивают нравственные, волевые и эмоционально-коммуникативные качества своей личности с позиций принимаемых ими ценностных образцов, норм поведения. У взрослого человека самооценка выражает сформированную ценностно-смысловую позицию, но не ведет к получению новых знаний о себе, потому что, заполняя опросник, испытуемый просто фиксирует на бланке то, что давно продумал и с чем внутренне согласен.

Принципиально иные результаты мы получили после факторного анализа 17-ти шкал опросника самооотношения и методики рефлексивности. После варимакс вращения матрица факторных нагрузок на шкалы оказывается очень структурированной, с отчетливо выраженными и легко психологически интерпретируемыми тремя факторами (см. табл.). Основываясь на содержательной специфике входящих в них шкал, условно их можно

обозначить как “ценностно-личностный”, “рефлексивно-когнитивный” и “мотивационно-коммуникативный” факторы. Эти три фактора исчерпывают 63.74% дисперсии результатов: фактор 1 – 31.87%, фактор 2 – 18.82%, фактор 3 – 13.05%. Проанализированные данные являются гомогенными, внутренне согласованными, это проявляется как в однородности всех 17-ти показателей, так и во внутренней связности шкал, входящих в каждый из трех факторов. Коэффициент альфа Кронбаха для всей матрицы $\alpha = 0.704$, для фактора 1 $\alpha = 0.766$, фактора 2 $\alpha = 0.794$, фактора 3 $\alpha = 0.854$.

При анализе матрицы в качестве порогового критерия был использован факторный вес 0.60. В соответствии с этим критерием в первом факторе объединяются семь шкал опросника самоотношения (восьмая шкала “Саморуководство” с факторной нагрузкой 0.323 была оставлена потому, что ее удаление всего на 0.01 увеличивает коэффициент согласованности пунктов как всей матрицы, так и входящих только в первый фактор; между тем исключение вопросов, относящихся к шкале “Саморуководство” в последующих экспериментах, привело бы к недопустимому с психодиагностической точки зрения искажению опросника).

Фактор 1 включает восемь оценочных пунктов, характеризующих личностные проявления самоотношения, самоуважения субъекта. Основным критерием положительной или отрицательной оценки является субъективное мнение испытуемого о соответствии-несоответствии качеств собственной личности значимым нравственным и социальным ценностям. Очевидно, что самооценки по шкалам аутосимпатии, самопринятия, самоуверенности и т.п. выражают степень удовлетворенности субъекта собой, согласованности его внутреннего мира с внешним. На положительном полюсе фактора задано отношение к самому себе как уверенному, самостоятельному, надежному человеку, которому есть за что себя уважать. В основе этого отношения лежит согласие со своими внутренними побуждениями, принятие себя таким, каков я есть, несмотря на недостатки. На противоположном полюсе могут быть представлены неудовлетворенность собственными возможностями, ощущение слабости, сомнение в способности вызывать уважение, самообвинение. В целом можно сказать, что ценностно-личностный фактор отражает ценностно-смысловое отношение субъекта к психологическим особенностям своей личности.

В фактор 2 вошли пять шкал методики рефлексивности. В российской психологии понятие рефлексии неотделимо от категории деятельности. “Рефлексия рассматривается как обращенность познания человека на ход своей деятельно-

сти, на психические качества и состояния, проявляющиеся в ней, на свой внутренний мир. Рефлексия понимается как процесс критического осмысления текущей деятельности, умение выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия, как процесс обоснования необходимости внесения коррективы в ход деятельности, предпринять новую деятельность” [8, с. 256]. Рефлексия направлена и на выяснение оснований собственного способа осуществления активности, анализ содержания сознания субъекта деятельности, и на процессы взаимодействия с другими людьми: рассуждения за них, понимание их мировоззрений, характеров, мотивов и т.д. Вследствие этого рефлексия трактуется как единая психологическая реальность – *рефлексивное действие* [8].

Рефлексивно-когнитивный фактор, безусловно, отражает деятельностное отношение субъекта к объекту, его активность, направленную на предметно-социальный мир, включающий в себя живущих, действующих в нем людей. Об этом недвусмысленно свидетельствуют шкалы, получившие значимые нагрузки: общая оценка индивидуальной меры рефлексивности испытуемого, ретроспективная рефлексия деятельности, рефлексия настоящей деятельности, рассмотрение будущей деятельности, рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми.

Фактор 3 представлен четырьмя шкалами опросника Столина–Пантилеева: частными и общими показателями самоинтереса, а также опосредствованного процессами коммуникации отношения к субъекту партнеров по общению. Самоинтерес является одной из движущих сил процесса самопознания, его мотивационной детерминантой: трудно представить человека с отсутствием устойчивого интереса к психологическим особенностям своей личности, но тем не менее систематически занимающегося самопознанием. Естественно, что самоинтерес нельзя считать исключительно внутренней, индивидуально-психологической склонностью субъекта. Очень часто он побуждается внешними обстоятельствами жизни, взаимоотношениями с людьми: вопросами о личной жизни, просьбой или требованием написать автобиографию и т.д. Что же касается отношения других (отраженного самоотношения), то оно представляет собой убеждение субъекта в том, что его личность, характер и деятельность способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание (или наоборот). Речь идет о предвосхищаемом, отраженном отношении других людей, превращающемся в самоотношение субъекта [14]. Очевидно, что в мотивационно-коммуникативный фактор вошли шкалы, отражающие свойства личности субъекта, способствующие самопознанию посредством извле-

чения сведений о себе из настоящих, прошлых и будущих ситуаций общения.

Таким образом, факторный анализ ответов испытуемых на 57 вопросов опросника самоотношения и 27 вопросов методики рефлексивности выявил три хорошо интерпретируемых фактора, включающих соответственно восемь, пять и четыре шкалы. Результаты, полученные при факторизации, позволяют сделать предварительный вывод о подтверждении первой гипотезы: самопознание не является внутренне однородной структурой, а состоит, по крайней мере, из трех основных компонентов.

Проверка *второй гипотезы* (о связи возраста и стремления человека к самопознанию) осуществлялась путем выявления значимых различий результатов по всем 17-ти шкалам (с помощью критериев Колмогорова–Смирнова и Манна–Уитни) между испытуемыми разного возраста. Сравнение проводилось на двух группах: 1) всей выборке из 77 испытуемых, разделенной по медиане возраста; 2) подвыборках 60 взрослых и 17 студентов.

Рассмотрим два указанных случая.

1. Медианное значение всей выборки равно 43 годам. Сравнение тех, кто моложе и старше этой возрастной границы, обнаруживает следующее. У старших по сравнению с младшими по опроснику Столина–Пантилеева больше показатели по шкалам “Самоуважение” ($Z = -2.61, p < 0.01$), “Самоуверенность” ($Z = -2.08, p < 0.04$), “Самопонимание” ($Z = -2.43, p < 0.02$); соответственно по методике Карпова–Пономаревой больше суммарный индекс рефлексивности субъекта ($Z = -2.08, p < 0.04$), а также “Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми” ($Z = -2.11, p < 0.04$).

2. Средний возраст 60-ти испытуемых $M = 45.55, SD = 4.18$; студентов – $M = 19.12, SD = 1.32$. У взрослых больше показатели по шкале “Самопонимание” ($Z = -2.30, p < 0.02$), “Итоговый показатель рефлексивности” ($Z = -2.41, p < 0.02$), “Рефлексия настоящей деятельности” ($Z = -2.31, p < 0.02$), “Рассмотрение будущей деятельности” ($Z = -2.17, p < 0.03$).

Из статистического анализа результатов недвусмысленно следует вывод, подтверждающий вторую гипотезу: хотя и не по всем, но по многим шкалам, являющимся по исходному замыслу исследования индикаторами самопознания, оценки молодых испытуемых ниже оценок взрослых.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Три выявленных в нашем исследовании фактора – ценностно-личностный, рефлексивно-когнитивный и мотивационно-коммуникативный – хорошо согласуются с методологическими и теоретическими положениями как отечественной,

так и зарубежной психологии. Во-первых, – с идущими от С.Л. Рубинштейна и принципиально важными для психологии человеческого бытия представлениями о трех ведущих типах отношений человека с миром: к себе, к объекту (объективной действительности) и к другим людям. Во-вторых, обнаруженные факторы в значительной степени соответствуют трем описанным выше источникам информации, из которых человек получает знания о себе. В контексте нашей работы наиболее существенным следует считать доказанный западными психологами факт, что предпочтение в использовании того или иного источника знаний о себе в значительной степени определяется личностными качествами субъекта.

Эксперименты показывают, что люди используют все три основных источника информации для самопознания, но удельный вес их различен. Это, в частности, было обнаружено в экспериментальном исследовании Т.Дж. Шоенемана. Оказалось, что самонаблюдение и саморефлексия как источники знаний о себе в самоотчетах испытуемых получили наибольшую часть предпочтений (70.2%). Обратная связь от других людей использовалась в 18.8% случаев, а социальное сравнение – в 10.7%. Интересно, что в ходе интервью социальное сравнение упоминалось чаще относительно положительных, чем отрицательных черт личности. “Хорошие” и “плохие” характеристики, безусловно, оказали влияние на частоту упоминаний источников самопознания. Видимо, это механизм компенсации не совсем желательной оценки со стороны других людей [18, с. 288]. Аналогичные данные с помощью более подробных, развернутых методик получили К. Седикидес и Дж.Дж. Сковронски [19]. Следовательно, субъективная значимость знаний, получаемых из разных источников, оказывается неодинаковой: она зависит как от социальных обстоятельств, в которых осуществляется процесс самопознания, так и от индивидуально-личностных особенностей субъекта.

Почему в процессе самопознания испытуемые предпочитают больше опираться на самонаблюдение и саморефлексию, чем на обратную связь и социальное сравнение? Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на те психологические особенности испытуемых, которые выражают их ценностное отношение к себе (в нашем исследовании они представлены в ценностно-личностном факторе). Предпочтение тех источников, из которых субъект может получить скорее позитивные, чем негативные знания, обусловлено *желанием поддержать положительное представление о себе*. Возможно, самодостаточные и уверенные в себе индивиды предпочитают самонаблюдение и саморефлексию, а социальное сравнение является ведущим источником самопо-

знания для неуверенных и социально зависимых людей.

Три источника самопознания различаются по степени выраженности *активности* самого субъекта. В этой связи чрезвычайно важной является рефлексивно-когнитивная составляющая самопознания, отражающая активно-деятельностное отношение человека к миру. Самонаблюдение и саморефлексия предпочитают людьми не только потому, что эти процедуры поддаются сознательной регуляции и зависят от познавательной активности субъекта. Регуляция и активность всегда селективны: это означает, что субъект самопознания может придавать большое значение одним полученным знаниям (как правило, характеризующим его с положительной стороны) и "не замечать" других (обычно отрицательных, снижающих его самооценку). Вследствие действия механизмов психологической защиты, субъективной точки зрения, сознательного желания противопоставить себя окружающим и т.п. объективные результаты рефлексивно-когнитивного самоанализа легче исказить, чем данные социального сравнения или обратной связи. Следовательно, сведения, полученные посредством самонаблюдения, саморефлексии, хотя и требуют персональных усилий, зато имеют гораздо больше шансов привести к психологически ожидаемому результату.

Мотивационно-коммуникативная сторона самопознания проявляется прежде всего во взаимодействии субъекта с другими людьми. Например, обнаружено, что люди с высокой потребностью в самопознании больше ценят источники самоотражения, чем испытуемые с низкой. В то же время субъекты с высокими показателями по шкале самомониторинга М. Снайдера, имеющие характерную внешнюю ориентацию, высоко оценивают значимость данных, полученных от их социального окружения [19].

В отличие от рефлексивно-когнитивного фактора, для качеств личности субъекта, представленных в мотивационно-коммуникативной составляющей самопознания, активность, деятельностное начало не являются основными. Именно поэтому этот фактор и результируется в знаниях, полученных с помощью обратной связи от других людей. Информация о себе через обратную связь может прийти без проявления какой-либо активности и оказаться совсем нежелательной для субъекта. Это еще раз подтверждает тот факт, что желаемые характеристики получить легче, если человек занимается самонаблюдением и саморефлексией или сравнивает себя с другими.

Итак, проведенное исследование является первым шагом на пути изучения самопознания. Тем не менее нам удалось подтвердить две выдвинутые гипотезы: о трехкомпонентной структуре са-

мопознания и возрастных различиях его мотивации. Мы отчетливо осознаем, что по научной идеологии и методикам, на основании которых мы делали заключения о психологической структуре и функциях изучаемого феномена, исследование пока является скорее проективным, чем строго научным. Основное внимание было уделено личностным качествам, которые обеспечивают самопознание, а не особенностям его формирования, развития и функционирования в различные периоды жизни человека. Однако надеемся, что нам удастся развить эту линию исследования в планируемых экспериментах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1999.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В двух томах. М.: Педагогика, 1980. Т. 2.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
4. Брушлинский А.В. О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5-23.
5. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 80-119.
6. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. № 2. С. 7-15.
7. Знаков В.В. Самопознание и самопонимание как проблемы психологии человеческого бытия // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 88-104.
8. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных процессов управления. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2000.
9. Личностный дифференциал: Методические рекомендации / Сост. Е.Ф. Бажин, А.М. Эткин. Л., 1983.
10. Основы психологии. Практикум / Ред.-сост. Л.Д. Столяренко. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
11. Первая всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. Материалы сообщений. М.: Смысл, 2001.
12. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998.
13. Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психол. журн. 2001. № 1. С. 102-112.
14. Столин В.В., Пантеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М.: МГУ, 1988. С. 123-130.

15. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
16. Braun B. Development of self-knowledge and the process of individuation // Polish Psychological Bulletin. 1988. V. 19. № 3-4. P. 249-256.
17. Franzoi S.L., Davis M.H., Markwiese B. A Motivational Explanation for the Existence of Private Self-Consciousness Differences // J. of Personality. 1990. V. 58. № 8. P. 641-659.
18. Schoeneman T.J. Reports of the Sources of Self-knowledge // J. of Personality. 1981. V. 49. № 3. P. 284-293.
19. Sedikides C., Skowronski J. On the Sources of Self-knowledge: The Perceived Primacy Self-reflection // J. of Social and Clinical Psychology. V. 14. № 3. 1995. P. 244-270.
20. Swann W.B. Identity Negotiation: Where Two Roads Meet // J. of Personal and Social Psychology. 1987. V. 53. № 5. P. 1038-1051.

SELF-KNOWLEDGE OF THE SUBJECT

V. V. Znakov*, E. A. Pavlyuchenko**

*Dr. sci. (psychology), professor, deputy chief of IP RAS, Moscow

**Undergraduate student, State University of Humanitarian Sciences, Moscow

There are presented the results of theoretical and empirical research of psychological phenomenon of self-knowledge within the framework of psychology of a man being in the world. The relation of cognitive and existential aspects of the problem is analyzed. Three main sources of self-knowledge are described; personal traits and psychological peculiarities of thinking comprising the structure of self-knowledge are elicited. Two hypotheses were verified on the sample of 77 Ss: 1) the structure of self-knowledge consists of three main components: personal, reflexive and communicative ones; 2) when growing up (from youth up to oldster) motivational and value significance of self-knowledge is increasing. Both hypotheses were confirmed.

Key words: psychology of human being, actor, self-knowledge, self-understanding, reflection, personal traits.